

Лян Цзивэнь не был человеком, который привык есть в одиночку. Однако, поскольку они с окружающими были не слишком знакомы, а вчерашний день оставил после себя некоторую напряженность, он не стал первым заводить разговор. Остальные, видя его не слишком дружелюбный вид, тоже не решались подойти. Все лишь вдыхали аромат еды и молча сглатывали слюну.

Чжань Цзюцзян вернулся вместе с Цзян Вэньцзюань. Сейчас он работал в профсоюзе на должности делопроизводителя с зарплатой 28-го уровня по административной шкале — 27,5 юаня в месяц. Ему полагалось тридцать цзиней продовольственных талонов, из которых двадцать восемь с половиной цзиней были на грубое зерно, а полтора цзиня — на тонкое. Конкретный вид зерна выдавали в зависимости от наличия. Также был оформлен дополнительный продуктовый лимит: один цзинь мяса, полцзиня масла, полцзиня сахара, один цзинь яиц, одна тюбик зубной пасты, полкуска мыла, десять цзиней угольной пыли и четыре цуня талонов на ткань. В праздники предусматривались дополнительные льготы.

Поскольку Чжань Цзюцзян был выпускником старшей школы, он не начал с 30-го уровня, как обычный клерк, а сразу поднялся на две ступени выше. Его коллега, поступивший на завод одновременно с ним, окончил среднюю школу. Он был хорошим учеником, с хорошей семейной историей, и благодаря прогрессивным взглядам смог пробиться через общий экзамен завода. Однако ему предстояло пройти стажировку, и пока он не был включен в административный уровень. Его дальнейшая судьба зависела от результатов работы, и только после этого решалось, оставить его или нет.

Чжань Цзюцзян и Цзян Вэньцзюань еще не дошли до четвертого этажа, как почувствовали тонкий аромат риса. Чжань Цзюцзян с энтузиазмом сказал Цзян Вэньцзюань:

— Сестра Цзян, наверняка это Цзивэнь варит рисовую кашу. Не хотите присоединиться к нам? У него настоящий талант к готовке, каждый раз его еда получается ароматнее моей.

— Нет-нет, сегодня только я и моя мама дома. Вы ешьте, а в следующий раз, когда мои дети вернутся из школы, я обязательно присоединюсь, — Цзян Вэньцзюань вежливо отказалась, но ее слова звучали так искренне, что не оставляли места для дальнейших уговоров, и это сближало их.

— Тогда договорились, в следующий раз приведете всю семью!

Чжань Цзюцзян и Цзян Вэньцзюань жили через стенку, и она была его начальницей. Чжань Цзюцзян хотел наладить с ней отношения, тем более что она была хорошим человеком.

Лян Цзивэнь приготовил жареные овощи и приготовленный на пару баклажан. Они съели большую часть кастрюли риса. После еды Лян Цзивэнь уговорил Чжань Цзюцзяна прилечь отдохнуть, пообещав разбудить его позже.

— Я не хочу спать, — Чжань Цзюцзян ворчливо отказался лечь. — Лян Цзивэнь, я теперь могу сам зарабатывать на жизнь!

Он с возбуждением приподнялся, упираясь животом в ногу Лян Цзивэня.

Лян Цзивэнь подтолкнул его, взял большой веер и, уложив его обратно, начал обмахивать его, небрежно добавив:

— Наш Цзюцзян просто молодец. Скоро мне придется жить за твой счет.

— Еще бы! — Чжань Цзюцзян без церемоний взял руку Лян Цзивэня и положил ее себе под голову, закрыв глаза, но не чувствуя сонливости. Лян Цзивэнь обмахивал его веером, но ему становилось только жарче.

— Лян Цзивэнь?

— Что? — Лян Цзивэнь не спал и продолжал сидеть рядом, обмахивая его.

— Лян Цзивэнь... — Чжань Цзюцзян повернулся на бок, уткнувшись головой в грудь Лян Цзивэня, его голос звучал приглушенно. — Завтра я хочу проводить тебя.

Рука Лян Цзивэня замерла, и только через несколько секунд он ответил:

— Хорошо.

Лян Цзивэнь уехал.

Проснувшись утром и увидев пустой дом и пустую кровать, он впервые так ясно почувствовал... что именно? Чжань Цзюцзян не мог выразить это словами. У него было много воспоминаний о Лян Цзивэне, но сейчас ничего не всплывало, только пустота в голове, как и в этом пустом доме. Хотя дом был небольшим, даже можно сказать маленьким, именно эта маленькость заставляла его чувствовать себя одиноким, словно он стоял на бескрайней степи, где не было ни одного живого существа.

Чжань Цзюцзян горько усмехнулся. Ему было жаль расставаться с ним, но что он мог поделать? Если ничего не изменить, то нужно просто жить дальше. Возможно, через год, два или даже десять-двадцать лет, оглядываясь на эти переживания и чувства, он воспримет их иначе.

Чжань Цзюцзян встал, набрал немного проса, смешал его с коричневым рисом, промыл и бросил в кастрюлю. Поставив на огонь, он добавил кипятка, и вскоре пар начал подниматься. Он привел себя в порядок, аккуратно сложил одеяло, и, когда встряхивал его, из него выпал сверток, завернутый в туалетную бумагу. Чжань Цзюцзян поднял его, развернул и увидел кучу разноцветных купюр. Одни были по одному юаню, другие по два, пятаки и десять фэней — в общей сложности двести двадцать юаней.

Чжань Цзюцзян узнал, что среди них сто двадцать юаней были те, что он дал Лян Цзивэню на покупку проса. Глядя на эти деньги, он почувствовал смешанные чувства, не зная, что сказать.

Хотя ему было грустно, жизнь продолжалась. Он только начал работать, и ему приходилось всему учиться с нуля. Дел было много, но он быстро втянулся. Его характер был мягким, и за полмесяца он заслужил хорошее мнение всех в профсоюзе.

Лян Цзивэнь уехал тайком. Папа Лян, как обычно, предложил провести его, но он не хотел снова переживать ту же боль расставания, что была, когда уезжал Чжань Цзюцзян. В три часа ночи он тихо встал, взял собранные вещи и оставил дома кучу припасов — особенно для детей, чьи шкафчики он тайком наполнил разными мелкими угощениями без упаковки.

Сидя в поезде, он вспомнил, как провожал Чжань Цзюцзяна в город Цзиньшань. Он до сих пор помнил его опухшие от слез глаза, как он, всхлипывая, прижимался к нему, оставляя на его одежде следы слез и соплей. Но, видя его редкую уязвимость, он почувствовал боль. Как маленькое животное, Чжань Цзюцзян уткнулся головой в его одежду, мягко потираясь, словно выпрашивая ласку.

Лян Цзивэнь вздохнул. В его голове снова появился образ Чжань Цзюцзяна, который провожал его. Он упрямо смотрел на него, ничего не говоря, но в его глазах бурлили эмоции. Немного грусти, немного упрямства и еще что-то... Он понял это, но не хотел задумываться. В последние дни его мысли были в полном хаосе. Он был не тем, кто ничего не понимает. Напротив, он знал многое. Две их жизни были очень похожи, но в некоторых аспектах история отличалась. Например, в прошлой жизни у них были несколько мужчин-императоров, поэтому в современном мире, хотя отношения между мужчинами все еще были редкостью, они были законными.

До Чжань Цзюцзяна он никогда никого не любил. Он не знал, любит ли он мужчин или женщин, но раз уж это случилось, он был готов принять это, тем более если это был Чжань Цзюцзян. Но проблема заключалась в том — примет ли его Чжань Цзюцзян? Примет ли их общество? Он не боялся осуждения, но не хотел, чтобы Чжань Цзюцзян страдал от чужих взглядов. Его река должна была течь свободно и беззаботно.

Кроме того, Лян Цзивэнь учитывал еще один момент — Чжань Цзюцзян был еще молод, и у него было мало жизненного опыта. Он не был уверен, не было ли это увлечение мимолетным порывом. Или, возможно, он перепутал дружбу и родственные чувства с любовью.

Лян Цзивэнь достал из кармана письмо, которое Чжань Цзюцзян прислал ему несколько дней назад. Он прочитал его уже семнадцать раз, и каждый раз не мог убрать его, нося с собой каждый день. Как будто этот человек все еще был рядом. Привычка — страшная вещь. Чжань Цзюцзян не было рядом уже полмесяца, и ему было тяжело.

— Следующая станция — Цзиньшань. Пассажиры, выходящие на станции Цзиньшань, пожалуйста, возьмите свои вещи, не толкайтесь, обратите внимание на детей и пожилых людей.

Лян Цзивэнь взял с собой только маленькую сумку, все остальное было в его пространственном хранилище. Услышав объявление, он взял сумку и сел, ожидая, пока поезд остановится.

— Цзиньшань. Пассажиры, выходящие на станции...

Лян Цзивэнь долго размышлял, но все же купил билет на поезд, проходящий через Цзиньшань. В конце концов, он не мог оставить Чжань Цзюцзяна без внимания. Он не предупредил его заранее, решив тайком взглянуть на него, хотя бы на мгновение.

Он не спешил выходить, ожидая, пока толпа поредет. Как раз в это время подошли пассажиры, садящиеся в поезд. Лян Цзивэнь встал, чтобы уступить им место, и поднял свой багаж над головой.